

ЛЭ СУА

НЕПОСТИЖИМАЯ НОЧЬ,
НЕРАЗГАДАННЫЙ ДЕНЬ

INSPIRIA

Москва
2021

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44
П97

Bae Suah
UNTOLD NIGHT AND DAY
Copyright © 2020 Bae Suah

Перевод с корейского
Екатерины Похолковой и Эмили Томчиной
Иллюстрация на переплете *Марины Мовшиной*
Художественное оформление *Юлии Девятовой*

Пэ Суа.
П97 Непостижимая ночь, неразгаданный день /
Пэ Суа ; [перевод с корейского Е. А. Похол-
ковой, Э. М. Томчиной]. — Москва : Эксмо,
2021. — 224 с.

ISBN 978-5-04-122753-1

Потеряв работу в аудиотеатре, бывшая актриса Аями не знает, что ей делать дальше. Пока — отыскать пропавшую учительницу немецкого языка Ёни, а остальные проблемы решать по мере их поступления.

Шагая по плавящемуся асфальту в изнемогающем от жары Сеуле, блуждая среди миражей, беседуя с директором театра о жизни и искусстве, Аями все больше увязает в мире, в котором самым причудливым образом сплелись явь и сон. И с каждой минутой окружающая ее реальность все сильнее разваливается на части.

УДК 821.531-31
ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-04-122753-1

© Похолкова Е., перевод на русский язык, 2021
© Томчина Э., перевод на русский язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

1.

На ступенях зала аудиотеатра сидит бывшая актриса Аями.

Одна. Все, что будет происходить дальше, пока остается загадкой.

Без света зал театра как будто погружен в мутную воду. Внутри все плавно распадается на частицы. Истинная суть вещей становится тусклой и неявной. Не только свет и очертания предметов, но даже звуки. В зале помимо дюжины кресел располагаются лестницы, на которых можно сидеть.

По окончании всех спектаклей, закрыв театр изнутри, Аями сидела на ступенях с гостевой книгой в руках — для нее это время спокойствия и умиротворения было самым ценным. И не только потому, что посетители писали в книге нечто особенное. В театр часто приходили незрячие, которые оставляли в книге записи точечным шрифтом, ко-

торый она не могла прочесть. Однако она сидела с книгой в руках не для того, чтобы читать, а чтобы прислушиваться к доносящемуся издали прерывистому голосу.

Не уходи ни на единый день.

День без тебя — длиною

в бесконечность!..

Не уходи ни на единый час¹.

Она сидела в пустом зале в одиночестве, как вдруг где-то посреди груды звуковой аппаратуры сам по себе включился старый радиоприемник. Аями до смерти боялась магнитных полей и электрического тока. Током могло ударить от прикосновения к электроприборам, проводам, кабелям, микрофонам или динамикам. Она была полностью убеждена, что шум, вызванный сопротивлением звуковых волн, может причинить серьезный вред ее здоровью. Аями не могла пересилить себя и дотронуться до или даже заглянуть за аппаратуру, чтобы найти радиоприемник, который то ли специально оставили

.....

¹ Пабло Неруда «100 сонетов любви», сонет 45 (прим. авт.), перевод Нонны Журавлевой-Гросс (прим. пер.).

там, то ли забыли по ошибке. И хотя она давно работала в аудиотеатре, все ее знания об электронике ограничивались умением вставить нужный диск в стереосистему и нажать кнопку «пуск».

Время от времени из Фонда приезжал мастер, чтобы проверить технику, но Аями с ним никогда не разговаривала. Он всегда натягивал бейсболку так, что его лицо полностью скрывал козырек. От этого мастер становился похожим на собственную тень. Он приезжал на автобусе, на белом корпусе которого была изображена эмблема Фонда. Мастер никогда не привозил с собой никакого тяжелого оборудования. К тому же он неизменно приезжал один. Директор театра всегда был осведомлен о точном времени его приезда и лично обсуждал с ним все важные вопросы. Директор сам его встречал, он же его и провожал.

Как-то раз Аями решила рассказать директору, что где-то за аудиосистемой лежит радиоприемник, который то и дело включается и выключается сам по себе. Она понимала, что директор должен об этом знать, учитывая, что он был ее начальником и единственным коллегой, и несмотря на то, что во время спектакля такого никогда не

случалось, но если бы произошло, то стало бы для всех серьезной проблемой.

Проходя мимо кабинета директора, Аями остановилась и выпалила, как будто эта мысль только что осенила ее:

— Видимо, что-то не так с проводами. Может, кабель от колонок случайно подсоединили к радио.

— Насколько мне известно, в зале нет радио, — заметил директор, оторвав взгляд от своего стола. — И все же странно. Я никогда не слышал там подобных звуков. Хотя я не из тех, кто обладает идеальным слухом.

— Я тоже до конца не уверена, что это именно радио, — ее охватило чувство неловкости, но она понимала, что, начав разговор, надо продолжать. — Я просто предположила, что со стороны сцены идет какой-то шум... Я имею в виду, что, когда в театре становится тихо, появляется ощущение, как будто начинают раздаваться эти звуки.

— Так все же, о чем конкретно идет речь?

— Голос, медленно читающий что-то вслух — отдаленно, еле слышно, издали... Как будто кто-то бормочет себе что-то под нос... Нет, как трансляция метеосводки для моряков, в которой кто-то медленно и монотонно диктует данные, специально, чтобы

те, кто выходит в море, успели записать. «Высота ветровых волн на юго-востоке — два с половиной метра, ветер юго-восточный, небольшая облачность, на юге радуга, ливень, град. Ветер северо-восточный, 2, 35, 7, 81...» Всегда подобное бормотание...

— То есть вы слышите какой-то звук каждый раз после спектакля, вечером, когда все оборудование выключено?

— Да.

— Может, после спектакля остается звуковой фантом?

— Как это — звуковой фантом?

— Своего рода иллюзия.

Аями пристально посмотрела на директора, но так и не смогла понять, говорил ли он всерьез или просто шутил. Она, может, и смогла бы ему что-то ответить, но хорошо понимала, что совсем не разбирается в технике, и растерялась, а директор снова заговорил:

— Завтра-послезавтра может приехать мастер. Я ему укажу на это, пусть посмотрит.

— Да, хорошо. Но я...

— Что еще?

— Я подумала, что это ведь входит в мои обязанности, говорить вам о подобном... Я просто хотела сообщить о проблеме.

— И что?

— Если это звук радио или звуковой фантом, как вы сказали, то он не слишком громкий, и даже если он включится сам по себе во время спектакля, то его, скорее всего, не будет слышно за звуком колонок.

Губы директора слегка дернулись, словно он хотел улыбнуться. Но, возможно, это был обычный мышечный спазм.

— То есть теперь вы хотите сказать, что эти метафизические звуки радио настолько тихие, что совсем вас не беспокоят.

— Да.

Прежде чем директор успел что-то ответить, Аями быстрым шагом вышла из кабинета и вернулась к себе в читальный зал.

Они исчезли без следа, выбежав за дверь раньше своих теней. Голова солнца низко висела над горизонтом, золотистые волны света вливались в темноту здания, внутри которого уже все погрузилось во мрак. В тот день на спектакль пришли пять рослых школьников, похоже, со своим классным руководителем, и слабовидящая девушка, сидевшая с едва приоткрытыми глазами. Школьники повскакивали со своих мест еще до окончания спектакля. Громко пере-

говариваясь, они распахнули стеклянную дверь и выбежали наружу, будто торопились. Дверь захлопнулась так резко, что призрачные тени мальчиков остались позади.

В тот день слабовидящая девушка покинула театр последней. Возле выхода она прикоснулась к тыльной стороне руки Аями, провела пальцем по ее запястью, словно хотела измерить пульс, как бы приглашая ее последовать за собой в мир, где нет грани между тьмой и светом. В тот момент Аями решила, что таким необычным способом девушка с ней попрощалась.

Девушка и одета была очень необычно: традиционный *ханбок* из белого хлопка без каких-либо узоров и украшений. Пахло от нее накрахмаленной одеждой. Ее густые иссиня-черные волосы были завязаны в тугой пучок, из-под подола юбки выглядывали сандалии из перекрученной конопляной ткани, надетые на босую ногу.

Бывшая актриса Аями была не единственной бывшей актрисой в аудиотеатре от Фонда, которая одновременно выполняла роль менеджера, библиотекаря и кассирши.

До нее еще было несколько человек, таких же, как она, которые имели хоть какое-то

отношение к театру — в основном бывшие актрисы. На них возлагались те же обязанности. Кто-то продержался в театре целых три месяца, а кто-то — всего лишь три часа. Аями, в отличие от остальных, работала уже два года. По правде говоря, будни в театре были довольно скучными и однообразными. Особенно для молодых и романтичных девушек, которые когда-то были актрисами. Основные посетители аудиотеатра, если не сказать все, это — незрячие и школьники или незрячие и студенты. Все ее предшественницы увольнялись еще до того, как истекал срок договора, вероятно, это происходило потому, что возможность найти себе спутника сводилась к минимуму, если такая вообще существовала. Обычно девушки хотят встретить не просто парня, а молодого, энергичного и амбициозного мужчину, который сможет окружить их достатком и благополучием.

Аями ничего не знала о своих предшественницах. Она ни разу не видела их и не знала их имен. В ящике стола после них оставались лишь шариковые ручки и стикеры для заметок, исписанные грубыми выражениями неясно в чей адрес. Более того, девушка совсем ничего не знала о Фонде —

своим непосредственным работодателем, который владел аудиотеатром и платил ей. Несмотря на существующие предрассудки, она устроилась на эту работу не благодаря связям в Фонде. В какой-то момент ей стали все реже и реже давать хоть какие-то роли в родном театре. Дошло до того, что из-за производственных трудностей распустили и саму труппу. Тогда один из друзей-актеров рассказал ей об этом аудиотеатре.

В тот же день Аями отправилась туда, вошла внутрь, где не было ни души, не зная, что делать дальше. Вскоре появился человек, представившийся директором театра. Аями сидела лицом к выходу, но все равно не заметила, как он подошел. Мужчина словно вышел из светового коридора, образованного летающей повсюду пылью и лучами света. Сидя на второй ступени в зале аудиотеатра, Аями кратко рассказала о себе и прямо на том же месте была принята на работу.

Это был театр без сцены и экрана. Спектакли представляли собой заранее записанный текст, который проигрывали с помощью аудиосистемы. Немногочисленные зрители рассаживались по залу — в мягких креслах или на ступенях — и слушали запись

спектакля. Это был театр без актеров. Аями больше не работала по профессии, а занималась обычной офисной работой, в основном выполняя роль администратора. Сам театр состоял из тесного вестибюля, из которого шли двери в небольшой аудиозал, маленькой библиотеки и находившегося за ней совсем крошечного кабинета директора. Днем Аями работала в своем уголке в библиотеке и раз в день, ближе к вечеру, шла ко входу и продавала билеты, которые стоили дешевле чашки кофе. Перед самым спектаклем Аями входила в зал и кратко описывала сюжет пьесы, а потом говорила: «Итак, спектакль начинается!» Изредка кто-нибудь доходил до библиотеки с просьбой взять почитать сценарии спектакля, брошюры, сборники пьес, автобиографии актеров или послушать сами диски с выступлением.

Аями решила, что выполнила всю свою работу. Выручку за день посчитала — это заняло совсем мало времени, — проверила, на месте ли каталоги в библиотеке, отправила необходимые документы в Фонд. Осталось лишь закрыть зал на замок и положить ключ в нижний почтовый ящик. А что касается зарплаты, так до конца месяца ее выдадут.

Зазвонил телефон. Это были не звуки радио, а настоящий звонок. Аями подошла к столику и взяла трубку. Задали вопрос о программе на следующую неделю — чаще всего об этом и спрашивали.

— На следующей неделе не будет спектаклей, — ответила Аями. — Сегодня был последний. Завтра театр закрывается.

— Как это закрывается? — искренне удивился человек на том конце провода. — Почему же об этом не писали в газетах?

Может, и писали. Аями не знала точно, ведь этими вопросами занимался отдел по связям с общественностью Фонда. К тому же, если учитывать ежедневное количество зрителей, закрытие театра не было событием общественного масштаба, как считал звонивший. По крайней мере, не таким, чтобы о нем писали в газете.

Театр закрывался, а это означало, что с завтрашнего дня Аями становилась безработной. Фонд принял решение о закрытии театра несколько месяцев назад, и, безусловно, у девушки было достаточно времени, чтобы трудоустроиться. Однако она уже давно не выходила на сцену и ей было бы тяжело вернуться в театр, ведь и раньше ей не удавалось достичь ничего значимого в этой сфере. Бо-